

РУССКАЯ РУЛЕТКА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

© А. В. ЗЕЛЕНИН,
кандидат филологических наук

Хотя это словосочетание сейчас широко используется в русском языке, в словарях вы его не найдете. Значение этого термина таково: “способ бравады, при котором заряженный одним патроном пистолет приставляют к виску и нажимают курок”. Однако почему все большие, наиболее полные толковые и фразеологические словари (начиная от Словаря академии Российской, Даля и кончая новейшими толковыми словарями конца XX века) не приводят его, ведь терминологический характер этого выражения, а также его национально-русская самобытность очевидны? Давно ли живет в русском языке это выражение? Попытаемся ответить на этот вопрос.

В этом словосочетании относительное прилагательное *русский* указывает на принадлежность данной реалии русским, вернее – поведению русских; существительное *рулетка* обозначает азартную игру. Но “игра собственной жизнью” – это нечто совсем иное, чем просто игра в рулетку. Когда же произошла переориентация смысла *рулетки* (в прямом значении) для обозначения оружия, в частности – *револьвера*? Игра в рулетку известна в Европе не так давно (считается, что современный механизм рулетки появился в Париже в 1765 г.), ее популярность связана – как ни покажется парадоксальным – с Французской революцией 1789 года, которая уничтожила старые классы и сословия, смела социальные перегородки, смешала и переместила “верх” и “низ” французского общества. В общественном сознании царили сумятица и хаос, старые устои и традиции оказались низвергнуты и осмеяны. Французская революция сделала героем дня смелого, решительного, отчаянного молодого человека. Однако надо было быть не просто смелым, а в какой-то степени авантюристом, искателем приключений.

Такое социальное и психологическое настроение вполне отвечало духу романтизма, который распространился в Европе в начале XIX века, придя на смену чувственному и даже слащавому сентиментализму. Героем литературы стал новый тип человека, достигающий высот в жизни благодаря случаю, фортуне, удачному и счастливому стечению обстоятельств. Поэтому не случайно жизнь стали сравнивать с растасованной колодой карт, а человека – с игроком, которому может повезти или нет. Все решал *Случай*. В литературе того времени иллю-

страцией могут служить произведения Э.Т.А. Гофмана “Счастье игрока”, Стендаля “Красное и черное” (цвета игры в рулетку), А.С. Пушкина “Пиковая дама”, М.Ю. Лермонтова “Маскарад”, Н.В. Гоголя “Игроки”. Тема карточной игры и рулетки стала одной из любимых мотивов европейской и русской литературы. Конечно, появление этой тематики в литературе неслучайно, ибо она лишь в большей или меньшей степени “отразила действительность. А действительность же была такова, что в Европе в 50-е и 60-е годы XIX века стали повсеместно открываться игорные дома. В 1861 году рулетка появляется в королевстве Монако, в Монте-Карло. А с 1873 года Монте-Карло становится городом-символом азартных игр, т.к. под давлением правилейств все игорные дома в Европе были закрыты.

Карточные игры были в большом ходу и моде в России уже в конце XVIII – начале XIX века, и русский язык пополнился целым рядом варваризмов: *бостон, басет, гок, имперяль, вист, кадриль, квинтич, лабет, ламуш, реверси, рест, рокамболь, солитер, пикет, контра, памфиль, пасьянс, фараон, фаро* и др. (История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М., 1981). Многие из них остались карточными арготизмами, но некоторые проникли и в общий язык. Слово *рулетка (рулета)* появилось в русском языке уже в середине – конце XVIII века (скорее всего через польск. *ruleta* или *ruletka* из франц. *roulette*). Любопытен такой факт: еще в 1761 году императрица Елизавета Петровна разделила все игры на две категории – *азартные* и *коммерческие*. К первым она отнесла *шотос, очко, рулетку, лотерею*; ко вторым – *орлянку, преферанс, бридж, дерец* и *тотализатор на скачках*. Было разрешено играть в коммерческие игры в именитых дворянских домах и на небольшие суммы денег, причем не выигрыша ради, а “единственно для препровождения времени”. В рулетку играли, но не столь часто. Психологию рулеточного игрока, мотивы азарта в игре пытался понять и исследовать уже Пушкин в “Пиковой даме”. Однако рулетка все-таки не настолько пленила русских аристократов начала XIX века, чтобы отказаться от повального увлечения карточными играми. Русские стали активно выезжать в Европу примерно в 40–60-е годы XIX века и практически сразу снискали себе славу заядлых и азартных игроков.

Пожалуй, наиболее яркую характеристику нового для русских увлечения рулеткой дал Ф.М. Достоевский в романе “Игрок” (само название уже отсылает как к предшествующей литературной традиции, так и синтезирует основные идеи произведения). Роман “Игрок” был написан Достоевским на основе личного опыта, когда он в Баден-Бадене в 1863 году проигрался “весь, совершенно дотла”. Именно тогда он задумал написать произведение, которое бы исследовало психологию игрока и социальные причины, толкающие человека к игорному столу. В письме 1863 года Достоевский так характеризовал замысел

будущего романа: “этот рассказ обратит непременно на себя внимание как наглядное и подробнейшее изображение рулеточной игры...”.

Действие романа происходит в немецком городке Рулетенбурге (название недвусмысленно связано с исходным понятием “рулетка”). О главном герое повести, Алексее Ивановиче, Достоевский писал: “Главная же штука в том, что все его жизненные соки, силы, буйство, смелость пошли на рулетку”. Кажется, в этом высказывании – концентрат того, что составляла рулетка как для самого Достоевского, так и (по Достоевскому) для русского, сажающегося за игровой стол: отсутствие веры и – снедающая душу тоска от безверия; могучая, фонтанирующая, неуемная жизненная энергия, желание изменить, исправить жизнь и – неверие в свои силы, полная покорность обстоятельствам, игре случая, фортуны... И наконец, слова Алексея Ивановича, которые – несомненно – являются также выражением авторской позиции: “А по моему мнению, рулетка только и создана для русских, – сказал я, когда француз на мой отзыв презрительно усмехнулся”; “мы очень рады и очень падки на такие способы, как например рулетки, где можно разбогатеть вдруг, в два часа, не трудясь”.

Кажется, Достоевский здесь отметил черты, которые выделяли и европейцы в “русской манере” игры (будь то карты или рулетка или любая другая азартная игра): безудержность; бесшабашность; отсутствие границ; игра не ради денег, а чтобы испытать судьбу, случай, фортуны; пойти на риск, который может перевернуть всю жизнь; полная покорность и зависимость от карты, рулеточного шарика; слепа и самозабвенная надежда на “авось”, на случай, когда на кон ставится все – то, что имеешь (свое состояние и даже... жену: так, “Тамбовская казначейша” Лермонтова создана на основе реального факта – князь Голицын в 1802 году “проиграл” свою жену графу Разумовскому) или даже еще не имеешь (например, несуществующий текст: у Пушкина для уплаты долга были написаны и проданы некоторые главы “Евгения Онегина”, у Достоевского “Игрок”, у Толстого “Казачки”).

Всё это удивляло европейцев, более умеренных в игре, умеющих вовремя остановиться, проявить сдержанность, волю и разум, идущих на риск в игре ради выигрыша, финансовой выгоды. За русскими же игроками укрепилась слава игроков, эксцентричных и неуправляемых доводами разума и рассудка. Таким образом, в прилагательном *русский* (например, во фразе *русский игрок*) европейцы уже в XIX веке явственно чувствовали ассоциативный компонент “непредсказуемый, импульсивный, чересчур азартный, страстный”. Да и как не родиться такой ассоциации, в рулетку крупно проигрывались, например, Александр Второй (1818–1881 гг.), великий князь Михаил Николаевич (1832–1909 гг.), великий шахматист А. Алехин...

Переход же смысла от *рулетки* (игры) к *револьверу* происходил на основе метонимии и ассоциативного переноса. Основанием для этого

служили следующие семантические компоненты: *форма* (круг рулетки и круглая форма барабана револьвера), *действие* (вращение механизма рулетки и свободное вращение барабана, в который вложена одна пуля). Это “внешнее” сходство предметов, атрибутов рулетки и револьвера неизбежно должно быть “скреплено” ассоциативным семантическим элементом: вера, надежда на случай. Правда, “цена” разная: в рулетке выигрыш или проигрыш измеряют деньгами, в “русской рулетке” – самой жизнью...

В русскую рулетку “играть” можно не всяким оружием, но именно наганом. Наган (по имени бельгийского изобретателя *Леона Нагана*) как тип оружия появился в распоряжении русских офицеров в самом конце XIX века. Первая большая партия наганов была отправлена в Россию в 1895 году, именно за этой моделью впоследствии в русском языке название *наган*, хотя модификаций этого револьвера было несколько. Заряжать револьвер нужно было, откинув нижнюю дверцу барабана; в барабан входило 7 патронов (правда, были и другие модели, с шестью патронами, но в русской армии более популярны были именно семизарядные). Таким образом, в формировании понятия “русская рулетка” не последнюю роль сыграл и тип револьвера – *наган с крутящимся барабаном*. И тем не менее даже это еще не имело решающего значения для складывания целостного семантического монолита.

Револьвер можно было использовать как для защиты своей жизни, так и для самоубийства. Кто-то посчитает *русскую рулетку* просто разновидностью самоубийства. Действительно, случаи самоубийства из нагана были, разумеется, в русской армии, однако ни у кого не возникало мысли назвать их *русской рулеткой*.

Легенда утверждает, что русский офицер попробовал игру со Случаем в Турции, поставив на кон свою Жизнь, – из барабана револьвера вынимали один патрон, после чего барабан вращали, дуло подносилось к виску и... В этом облаке ассоциативных сцеплений и выкристаллизовывалась идея *русской рулетки*. Так белые офицеры внесли последний и заключительный семантический аккорд в сложение самого понятия, этим цементирующим “аккордом” была безысходная тоска по Родине. Был ли термин *русская рулетка* в лексиконе самих офицеров, сказать трудно; по крайней мере, нам не удалось обнаружить в эмигрантских материалах такого упоминания.

Итак, перенесение идеи игры в рулетку на использование револьвера кажется правдоподобным и семантически приемлемым. Мы также вправе ожидать, что наименование родилось на почве русского языка. Однако тут нас встречают трудности. Нам не удалось обнаружить в русской литературе конца XIX – первой трети XX века фразы *русская рулетка*. Однако в английском языке словосочетание *Russian roulette* в значении “способ русской бравады с использованием заря-

женного револьвера” встречается уже в 1937 году. Вместе с тем, существующая фраза хорошо вписывается в аналогичные модели: *французская рулетка* (37 цифр и одно зеро), *американская рулетка* (иное, чем в Европе, расположение цифр и два зеро). Языковая модель та же (прилагательное + существительное), однако содержание, смысл “игры” в *русскую рулетку* совершенно другой. Может быть, источником появления термина *русская рулетка* были именно иностранцы (англичане), назвавшие так необычную для них реалию быта русских офицеров, находящихся в изгнании?

Возможно, именно из английского языка эту номинацию заимствовали русские писатели-эмигранты. Вот одно из первых употреблений – в романе В. Набокова “Лолита” (1955 г.): «А другой раз, найдя мой священный пистолет, она [Рита] предложила поиграть в “русскую рулетку”; я возразил, что нельзя, в пистолете нет барабана; мы стали за него бороться, и наконец раздался выстрел, причем пуля ушла в стену нашего номера, и оттуда забил очень тонкий и очень забавный фонтанчик горячей воды; помню, как она стонала от смеха». Сама ситуация, описанная здесь, вполне “русская”, экстремальная, моделирующая “русское” поведение. Компонентами этой странной “игры” являются оружие (как крайнее, предельное олицетворение Случая) → “приглашение” к “игре” → психологическая подготовка к “игре” (сомнения героя) → теоретическая невозможность “игры” (в пистолете, в отличие от револьвера, нет барабана) → выстрел как опровержение “теории” → смех (нервный, срывающийся, даже истерический, но все-таки не отчаяние или страх, что было бы ожидаемо в данной ситуации)... В этой схематической модели в “свернутом виде” содержится вся структура, пружина любой азартной “русской” игры: будь то карты, рулетка или “просто” револьвер. Набоков точно, емко, выразительно смоделировал игру, идя по следам Достоевского: только у Достоевского это была игра в *обычную рулетку*, у Набокова – уже в *русскую рулетку*.

В 60–70-е годы XX века термин *русская рулетка* из английского заимствуется в европейские языки: немецкий – *Russisches Roulette*, французский – *roulette russe*. Французы блестяще и остроумно характеризовали “русскую” специфику этого понятия. Что такое спор “по-европейски”? Когда спорят европейцы, то организующим центром спора является модель: “держу пари, что я выиграю” (*dans le jeu vous dites: je parie que je gagne*). Когда русские играют в “русскую рулетку”, они следуют принципу: “держу пари, что ты не выиграешь” (*dans la roulette russe: je parie que tu ne joues pas*). Странная, непостижимая “логика” (вернее – именно антилогика) “русского” спора: даже моя собственная смерть в нашем споре – мой выигрыш и твое поражение!

Активное употребление термина *русская рулетка* в России началось с конца 80-х годов XX века. Оно стало часто появляться в худо-

жественных произведениях: “Правда, ходили слухи, что они там всего-навсего беспробудно пьют и *режутся в русскую рулетку*” (А. Бушков); “Он достал револьвер и сказал: Тогда *сыграем в русскую рулетку*” (А. Слаповский); “*В русской рулетке* и то больше шансов выжить – пять из шести” (А. Таманцев); «крутануть барабан револьвера в “*русской рулетке*” – совсем другого плана забава» (В. Звягинцев); «Самоспасатель – очень ненадежная штука: один из шести не срабатывает. Ему предстояло начать дальний путь с “*русской рулетки*”, хотя семизарядный “наган” предоставлял лихим офицерам на один шанс больше» (Д. Корецкий). Появляются фильмы, спектакли, книги с этим названием: “Русская рулетка” (фильм режиссера В. Чикова, снятый им в 1990 г.); детектив А. Ростовцева “Русская рулетка”; “Русская рулетка” (фильм С. Бодрова-старшего); пьеса В. Павлова “Русская рулетка”; “Русская рулетка” (книга итальянского журналиста Джульетто Кьезы).

Однако в русском языке *русская рулетка* используется не только в своем прямом значении, но и в переносном – причем оно стало очень популярным в современном речевом обиходе: “Русская рулетка. Экономический эксперимент ценой в 150 миллионов жизней” (название книги академика-экономиста Н.Я. Петракова); “в редкие минуты супружеской взаимосвязи она все равно чувствовала себя *самоубийцей, играющей в русскую рулетку*” (Ю. Поляков); «специалисты-наркологи марихуану называют “*русской рулеткой*”: никто не знает заранее, кто из курящих марихуану попадет в недалеком будущем в число наркоманов, а с кем ничего страшного не случится» (Полезная газета. 2002. № 184). Является ли это переносное значение возникшим уже на почве русского языка как логическое “развитие” прямого значения *русской рулетки*? Очевидно, нет. В английском языке уже несколько десятилетий существует переносное значение фразы *Russian roulette* “крайне опасное, рискованное дело, мероприятие”. Мы полагаем, что как прямое, так и переносное значение появились в русском языке в результате семантического калькирования из английского (американского).

Однако дальнейшее развитие многочисленных тонких и текучих нюансов переносного значения происходит уже на почве русского языка, без оглядки на английский (американский), поскольку семантическая емкость и образная выразительность термина *русская рулетка* для современного российского общества и языка столь высока, что провоцирует взрывообразный семантический “выброс” новых употреблений. Смысловая новизна термина также не подлежит сомнению. Свежесть, незаезженность, публицистическая незаштампованность фразы позволяют журналистам практически беспрепятственно применять термин в метафорическом, смещенном значении в самых различных ситуациях. Причем появился новый семантический

компонент в *русской рулетке* – неожиданность, полная непредсказуемость последствий какого-либо дела по принципу “или-или”: “русская рулетка – сценарий выборов в городскую Думу: депутатом часто становится тот, чье имя более известно благодаря средствам массовой информации”; “*Русская рулетка* – популярное телевизионное шоу-игра В. Пельша”; «Партия Риголетто – это *русская рулетка*. Или она войдет в твой репертуар навсегда, или ты останешься без голоса. То же навсегда. Поэтому Хворостовский пробовать собирается в “Новой опере”» (Русский журнал. 2002. 15 дек.).

Языковая популярность модели *русская рулетка* в метафорическом значении чрезвычайно велика, фраза уже так хорошо освоена массовым (читательским, зрительским) сознанием, что в прессе легко рождается замена компонента *русский*. Журналисты, используя смещенные, модифицированные, трансформированные фразы, апеллируют к фоновым знаниям человека, для которого смысловая и ассоциативная “отсылка” именно к исходному значению термина *русская рулетка* уже хорошо знакома: «особого наплыва желающих сыграть в “*украинскую рулетку*” не наблюдается: видать, радиация без вкуса, без цвета и без запаха не впечатляет рискующих “поймать дозу”» (Огонек. 2001. № 17–18); “*Советская рулетка* в Бессарабии” (Независ. газ. 2001. 28 февр. со ссылкой на молдавскую газету “Зиуа”); “*Югославская рулетка*” (Независ. газ. 2000. 13 сент.).

Русская рулетка – путь этой фразы в русском языке извилист и запутан. Здесь предложена лишь одна из версий ее появления, но можно полагать, что *русская рулетка* прочно вошла в мировой лексикон, еще раз подтвердив старую европейскую ассоциацию, уже давно связавшую поведение русских с отчаянной бесшабашностью и непредсказуемой безудержностью.

Санкт-Петербург